

С верой и надеждой

Беседа с депутатом Верховного Совета РСФСР писателем Юрием Бондаревым

— Юрий Васильевич, ваши ежегодные выезды стали традиционными и для избирателей, и для вас...

— И для писателей, моих друзей, которые по доброте и сердечности своей разделяют со мной депутатские заботы и каждый год выезжают к жителям сельских степных районов Поволжья. Народ здесь живет работающий, не избалованный частым вниманием деятелей искусства. Потому каждый приезд писателей, вы это видели сами, воспринимается тепло. На встречи идут и стар, и млад, и искренне рады душевному взаимному разговору, который как бы омывает души и тех, кто сидит в зале, и тех, кто выступает. Да, по-настоящему и быть не может. Широко известные писатели Егор Исаев, Михаил Годенко, Николай Доризо — выходцы из деревни. Все, что происходит на земле, близко им...

— У меня создалось впечатление, что, выступая перед избирателями, вы не делаете скидок на аудиторию, говорите, как всегда, откровенно, философски обобщенно, насыщенно, остро...

— Однако говорю я не о философских категориях, а о жизни, о тех болезнях ее точек, которые мы все чувствуем. Скажем, в последние месяцы в нашем обществе более требовательным стало отношение к труду — самой большой, может быть, главной человеческой ценности. И я посчитал необходимым поделиться с избирателями своими заботами, узнать, что они думают об этом, совпадают ли во всем наши точки зрения. Я убежден, что кое-что с годами мы подзабыли, кое-что подрастеряли из народной кладовой, из коренных традиций земли нашей. Уже очень порой скользким, необязательным стало отношение к труду, словно работу за нас на земле выполнит некто. Какое же это заблуждение, какое ослабление души...

Все или почти все предметное в мире, все, что мы с вами видим, создано руками человека, его духовной деятельностью. Мы говорим «труд», «труженик», «работа», «дело», и говорим это привычно, почти не задумываясь, что речь идет о самом наиважнейшем, о смысле человеческой жизни. Издавна влечение к труду определялось стремлением утвердить себя в умении и совершенстве, и это извечное стремление до сей поры и выращивает хлеб, и создает прекрасные произведения искусства, и необходимые вещи в предметном мире.

Мы говорим о равенстве перед

трудом, и это завоевание социализма. Но у каждого из нас есть данные природой склонности и способности, которые подчас самому не так просто до конца обнаружить, тем более что нередко профессию выбирают случайно. Стечение обстоятельств, ограниченность выбора в местных условиях, воля и равнодушие родителей — и совершаются горькие ошибки. Как часто нашим молодым людям не хватает мудрого совета учителя, душевного опыта человека, хлебнувшего жизнь сполна!

Нам надо учить детей и самим учиться хорошо работать. К сожалению, проявляется еще привычка к некачественному труду, и до того дня, пока беспощадно не искореним эту привычку, мы не решим экономические проблемы. Не надо лстыть друг другу, умиленно называя каждого новым человеком, передовой личностью, созидательным индивидом и т. д. Человек создает себя сам, своим трудом, исполненным смысла. Вот заповедь веков, которую мы должны чтить и исполнять.

Почти в каждом из нас заложен инстинкт красоты, чувство красоты природы, но бывает, что сиюминутная выгода, неразумная нетерпеливость толкают на насилие, на необъявленную войну с природой, то есть на разрушение собственного дома.

Случаются и в нашем планировании некоторые сбои. Видимо, отдельные плановики и экономисты со странной неповоротливой наивностью уверовали в магию цифр, которыми они легко оперируют, но при этом не учитывают всей сложности и взаимосвязанности целого ряда факторов и факторов живой жизни. Результат — возникают разного рода несоответствия, нехватки, неразумности в нашем быту, строительстве, распределении товаров и насыщенных материалов.

Это беспокоит людей, особенно на селе, где материальные и технические возможности более ограничены, чем в городе. И чем я больше проникаюсь заботами сельских жителей, тем более критично отношусь к не всегда оправданным желаниям и потребностям горожан... Без машин, без некоторых удобств электрических, химических, синтетических прожить можно. Но нельзя прожить без хлеба на столе...

В этом истина истин. А мы еще несколько свысока и слишком самонадеянно поглядываем на земледельца, жителя деревни, в то время как человек на земле первый работник среди всех. По

труду и заслугам ему надо и воздать. Пришла пора, когда городу необходимо кое-чем весьма существенным поделиться с деревней, в пользу деревни.

— Эти ваши мысли разделяют и избиратели?

— И особенно потому, что они ближе к земле, чем я. И некоторые ее трудности чувствуют сильнее и острее... К примеру, мне рассказали, что сегодня сельский житель не стремится ставить собственный дом, как это было испокон веку. Меня это чрезвычайно удивило... И выяснилось, что при нынешних условиях — отсутствии необходимой помощи, завышенных ценах на стройматериалы — он часто не заинтересован начинать такую стройку...

— Но, может быть, городу со своей мощной индустриальной, строительной базой надо проявить большую заинтересованность в строительстве личного жилья на селе?

— Одно, по-моему, не должно исключать другого. Пока дойдет черед до степных хозяйств, удаленных от Волгограда на сотни километров, пока индустрия возьмется за такую помощь, годы пройдут. А человеку надо сегодня жить в хорошем доме. У него есть деньги, и достаточные, чтобы по сносной цене купить материалы, и есть силы обстроить свое подворье. Оправданно ли «вынужденное городское ожидание» переносить на сельские условия? Такое ожидание, по-моему, сдерживает инициативу, личную деятельность людей. Да и надо ли в деревне скапливать деньги, не лучше ли их пустить в оборот?

Жизнь в селе начинается с дома — это в русской традиции, причем дома хорошего, добротно, построенного не на одно поколение. Я видел такие дома, жил в них на нашем Севере и поражаюсь жизнелюбию людей, их стремлению к теплу, разумному удобству. По моим наблюдениям, южный, степной крестьянин нередко живет еще в стесненных условиях, и нередко по укоренившейся привычке... Но и он все больше тяготеет к дому ухоженному, просторному. Степной казачий курень ушел в прошлое... И крестьянина сегодня больше всего заботит отсутствие дорог с твердым покрытием, отсутствие школ, детских яслей, детских садов... Без этих необходимых жизненных условий деревня затихает, неумолимо теряет работников. Не думать об этом нельзя. Процесс сокращения сельского населения России все еще продолжается.

Я не отношусь к числу тех,

кто ратует за большие, многомиллионные города. Мне кажется, что не очень долго буйный прогресс урбанизации будет находиться в этом не совсем естественном состоянии. Пройдет срок — и начнется приток в деревню...

— Он уже и сейчас потихоньку дает о себе знать. Правда, пока очень робко люди городские поворачиваются в сторону пашни... По-прежнему довлеет мнение, что город — прежде всего. В этой поездке мы видели и в бедность сельских библиотек, неустроенность сельских клубов, необорудованность отдельных примеров заботливого отношения к переустройству сел в Московской, Омской областях, положение во многих регионах оставляет желать лучшего.

— Я согласен с вами. Но вложенный в землю рубль далеко не всегда плодоносит. Его надо вложить с умом, со сметкой, в согласии с опытом традиционным, крестьянским. Чтобы и сам-то земледелец знал, что мелиорация, орошение, обводнение, подача новых вод с севера или запада обходятся в нелегкую трудовую копейку. Мы же мало и почти не говорим, во что обходятся эти грандиозные проекты. Не опрометчивость, не торопливость, а здравомыслие, расчет, или, вернее, умение считать деньги и планировать, внесут в наше современное мироустройство смысл и цель высшего порядка, где все будет подчинено благой родной пользе. Мы, по выражению Энгельса, должны быть архитекторами природы. Западный индивидуализм заявляет: человек — это остров. Мы утверждаем, что человек — это не остров, а часть континента.

Каждый вкладывает в любовь к Отечеству нечто свое, пережитое, выстраданное, осознанное. Конечно, невозможно сразу вообразить все наше огромное Отечество от Ледовитого океана до Черного моря, от Охотского моря до Балтийского. трудно представить все это пространство, ибо человеческое воображение подчинено не географическим просторам, а какому-либо сокровенному воспоминанию.

Может показаться странным, но в военные годы мне вспоминался родной дом по запаху, по свету, по звуку: вдруг оведало запахом вымытых по-праздничному полов или свежестью мокрого степного проселка после летнего дождика, вдруг порывистый шум деревьев, освещенных осенним солнцем, напоминал двор в Замоскворечье, липы у забора, ступени крыльца, заваленные листьями. Очень часто чувство Оте-

чества, Родины приходит через ощущение места, через саму природу...

— И через заботу обо всем, чем славно это место в истории Отечества.. Не так ли?

— Именно так. Разве в любви нашей к Москве мало гордости за ее славу и красоту!.. Равно как и волжская земля, ее Мамаев курган — непреходящий в веках символ нашего героического ратоборства. И это стало частью нас, нашей сутью. Отсюда и забота о красоте этих мест.

— Такой же процесс все более намечается и в деревне. Возникают сельские музеи, картинные галереи, но предстоит еще многое и многое сделать...

— Главное: надо утвердить и возвысить честь, славу и авторитет деревни. Не зря с такой заботой и болью, столь настойчиво и последовательно пишут о духовных, нравственных корнях русской советской деревни современные летописцы ее — Виктор Астафьев, Иван Васильев, Сергей Залыгин, Иван Акулов, Василий Белов, Валентин Распутин, как писал недавно безвременно ушедший Федор Абрамов. Деревня сегодня — это в полном смысле наша всеобщая забота. И вклад каждого должен быть ощутимым, весомым и необходимым по душе, по уму.

Мне интересно все, что происходит сейчас на земле. И мне хотелось бы сделать для людей деревни как можно больше. Но ведь у меня нет ни тракторов, ни машин, ни минеральных удобрений, ни строительных материалов. Возможности мои более скромны. Есть только слово, которому я служу...

Мы живем в век технический, в век суровый, ответственный и тревожный.

Когда-то, в XIX веке, писали, что некая комета может задеть Землю, перевернуть все вверх дном, возникнут газоспарения, почаса людям нечем будет дышать — вот вам и финал истории. Ныне, увы, не о комете идет речь, а об угрозе смертельной ядерной войны, способной уничтожить все живое на Земле...

Но мы оптимисты и живем надеждой на добро, на мудрость жизни, ходим по земле, работаем, строим, любим, радуемся, страдаем, рожаем детей, делаем шаг к добру и шаг от добра, завидим, спорим, что-то пробиваем и чего-то добиваемся, и уповаем на лучшую жизнь. В том и великий смысл наших неустанных помыслов и действий...

Беседу вел
А. ЛАРИОНОВ.
Волгоград — Москва.